

Хазагеров Георгий Георгиевич, Щемелева Елена Юрьевна

ПАРАДОКСЫ ТОТАЛИТАРНОЙ РИТОРИКИ: ЯЗЫК

В статье рассматривается феномен литературного языка в условиях тоталитаризма. Работа содержит новый на сегодняшний день подход к изучению тоталитарной культуры, когда акцент сделан не на идеологии, а на реальном функционировании массовой пропаганды. Цель – выявление влияния такового функционирования на судьбу русского литературного языка. Делается вывод о контрпродуктивности пропаганды вследствие ее беспрецедентной интенсивности и о неизбежном размытии литературного языка и его жаргонизации как о дальнем следствии происходящих в советское время процессов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 205-210. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Мышкина Н. Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1991. 212 с.
2. Устин А. К. Большой Органон антропоразума. СПб.: Астерион, 2012. 224 с.
3. Устина Н. В., Устин А. К. Синергетика повтора как энергия смыслового структурирования текста. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. 134 с.

MODERN PROBLEMS OF LITERARY TEXT

Ustina Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Pyatigorsk State Linguistic University
natalya.ustina@mail.ru

The author considers the modern solutions to the problems of literary text semantic development basing on its repeating semantic elements revealed at different levels, and suggests identifying the verticalized perspective in the study of not only literary, but also cultural text that depicts these texts and their structural components of the traditional horizontal syntagmatics in boundless epistemological culture space as semio-noosphere.

Key words and phrases: phenomenon of literary text; synergetics; text as form and cultural content; text formation; verticalized paradigmatics of extra-linguistic connectivity; repeating semantic elements of text.

УДК 808; 81'26

Филологические науки

В статье рассматривается феномен литературного языка в условиях тоталитаризма. Работа содержит новый на сегодняшний день подход к изучению тоталитарной культуры, когда акцент сделан не на идеологии, а на реальном функционировании массовой пропаганды. Цель – выявление влияния такового функционирования на судьбу русского литературного языка. Делается вывод о контрпродуктивности пропаганды вследствие ее беспрецедентной интенсивности и о неизбежном размывании литературного языка и его жаргонизации как о дальнем следствии происходящих в советское время процессов.

Ключевые слова и фразы: литературный язык; кодификация; советский; риторика; пропаганда; жаргонизация языка.

Хазагеров Георгий Георгиевич, д. филол. н., доцент

Щемелева Елена Юрьевна, к. филол. н., доцент

Южный федеральный университет

khazagerov@gmail.com; mansy@rambler.ru

ПАРАДОКСЫ ТОТАЛИТАРНОЙ РИТОРИКИ: ЯЗЫК[©]

Настоящая статья является частью цикла, посвященного саморазрушению тоталитарной риторики и его последствиям для русского культурно-языкового пространства. В других работах рассматривается аспект речи (система общих мест тоталитарной пропаганды и нарушение жанровой природы различных текстов в связи с необходимостью внедрения в них агитационного содержания). В данной же статье мы сосредоточимся на проблемах литературного языка тоталитарного периода. Наша гипотеза состоит в том, что массированная пропагандистская атака на литературный язык объективно ведет к дискредитации пропаганды и подрывает основу литературного языка, стимулируя жаргонизацию, гумилиацию и редукцию сложного.

В работах по советологии официальному советскому языку противопоставлялся «язык сопротивления». В этом ключе, например, написана содержательная монография Э. Лассан [8]. Однако в реальной жизни больший удельный вес имело не сознательное сопротивление официальной идеологии, а «обживание» официальной картины мира в языке. Да и само крушение советского мира произошло не в результате диссидентского сопротивления, но явилось следствием столкновения утопии с реальной жизнью, вследствие чего у советской власти на момент ее крушения не оказалось победителей, что и предопределило всю траекторию переходного периода. Подводя итоги советологическим исследованиям, Э. В. Будаев и А. П. Чудинов говорят о диглоссии советского языка, проводя вслед за Дж. Данном аналогию с церковнославянско-русской диглоссией [2, с. 5]. Речь, однако, скорее всего, должна идти о полиглоссии, а точнее о функциональных разновидностях языка, не совпадающих, разумеется, с пятью функциональными стилями литературного языка, отражающими официальную картину общественного устройства. Напомним, что виноградская система стилей до сих пор с незначительным изменением – введен религиозно-проповеднический стиль – является канонической [22, с. 581-583]. Приведем лишь один, но очень значимый пример, показывающий, насколько важно для лингвиста представлять себе реальное функционирование советской системы.

Авторы экономической теории административного рынка [11] показали, что жесткая пирамида центрального планирования знала только вертикальные связи и была неэффективна. Однако дефицит горизонтальных связей покрывался за счет личных знакомств хозяйственников и активного обмена между ними на рынке товаров и услуг. На сленге это обозначалось как «ты мне – я тебе», но в реальности речь шла о достаточно сложной экономической системе – нефинансовом рынке товаров и услуг. Разумеется, эта система горизонтальных отношений обслуживалась своим, теневым языком (ср. у А. Вежицкой: подпольный язык [3]).

В ряде случаев жаргонизмам, обслуживающим этот язык, соответствовали лакуны в языке официальном. Например, официальная и неофициальная накладные назывались, соответственно, номер первый и номер второй. Некоторые слова из «горизонтального» языка все же проникали в словарь с соответствующими пометами, хотя толковались намеренно обобщенно. Например, словом «толкач» в реальной жизни обозначался сотрудник, основная функция которого – продвигать нужные предприятию решения в высших инстанциях с помощью взяток и неофициальных соглашений (рынок товаров и услуг). В словаре же слово толкуется как «человек, которому поручают подтолкнуть, ускорить какое-либо дело» с пометой *Разг.* [21, т. 4, с. 374]. Толкование, как видим, слишком широко, в нем отсутствует указание на то, где и как «ускоряется» дело, хотя ясно, что вне административно-командной экономики слово в таком значении никогда не употреблялось, если не учитывать окказиональных метафор. Подобный язык не назовешь диссидентским, но это и не бытовой язык. Это язык хозяйственников, приспособленный к законам административного рынка.

Вопрос о советском языке вне официоза гораздо сложнее, чем это может показаться, так как он требует разработки нового категориального аппарата, возможно, требует даже переосмысления такой категории как литературный язык, функциональный стиль литературного языка, просторечие и т.п. в условиях тоталитаризма. В свое время применительно к реалиям восемнадцатого века Г. О. Винокур писал, что язык приказных не был национальным языком, хотя и был государственным [4, с. 114]. Однако в двадцатом веке язык советских «приказных», эвфемистически называемый канцеляритом, был кодифицирован и поддержан газетой, радио, кино, учебником, новой литературой. Мы говорим об эвфемизме, ибо в контексте творчества Корнея Чуковского и его окружения речь не шла о простой стилистической неловкости, как сегодня полагают многие лингвисты [27], рассматривая канцелярит наряду с другими случаями смешения стилей. Гораздо серьезнее толкуется канцелярит в работах А. П. Романенко, специально исследовавшего это явление [15] и трактующего советскую лингвокультуру как культуру документа, директивы [16]. Близко к такому пониманию канцелярита и современное представление о лингвистическом цинизме [18, с. 302-303].

Первое, что надо понять, являлся ли советский литературный язык русским литературным языком. Ясно, что вне официоза могли существовать и существовали сниженные формы национального языка. Скажем, язык хозяйственников, обслуживающий горизонтальные, теневые связи, сам был теневым, неизбежно сниженным. Лагерный жаргон был именно жаргоном. Всевозможные неофициальные обозначения советских реалий легко отнести к периферии литературного языка (разговорный стиль) или вынести за его пределы (просторечие, сленг). Однако стоит вспомнить, как со времен Пражского лингвистического кружка определяется литературный язык и, главное, ради решения какой задачи пражане ввели само понятие «литературный язык».

В концепции пражского функционализма литературный язык – это не просто образцовая форма языка, а тот язык, который позволяет различать максимум смысловых и стилевых нюансов. Иными словами, на литературном языке можно говорить обо всем, в том числе о сложных вещах. Стабилизатором же литературного языка и источником литературной нормы считается художественная литература, возможно, и утратившая свое значение во второй половине двадцатого века, но, безусловно, инициировавшая появление литературного языка в различных национальных культурах. Считается, далее, что литературная норма кодифицируется в толковых, орфографических и других нормативных словарях. А теперь попробуем спроецировать эти школьные истины, восходящие к работам Вилема Матезиуса [9], на советские реалии.

Первое и главное: был ли официально одобренный советский язык, получивший кодификацию в советской лексикографии, тем языком, на котором можно говорить обо всем? Ведь язык тоталитарного государства, по меткому замечанию Г. Ч. Гусейнова, «лингвистический эквивалент основной идеи официальной идеологии». Конечно, в курсах истории русского литературного языка подчеркивалось, что «литературный язык советской эпохи унаследовал все богатство русского языка XIX - начала XX» [Цит. по: 6, с. 356], подчеркивалось, что он продолжает уже имевшиеся тенденции, «но обслуживает теперь потребности социалистической, а не буржуазной нации» [10, с. 264]. Любопытно, что в самой цитате слово «буржуазный» употреблено в чисто советском значении, имеющем мало отношения к буржуазии и буржуазности, как они понимались носителями литературного языка дореволюционной эпохи и «по умолчанию» понимаются сегодня, когда нет необходимости обращаться к советизмам. Буржуазный – «характеризующийся ролью буржуазии; осуществляющийся в интересах буржуазии» [21, т. 1, 126]. Такое толкование дано слову в 1985 году и соответствует словоупотреблению в самом источнике «Словаре русского языка» и, соответственно, в официальном языке. Буржуазность определяется через «классовые интересы». В дореволюционном словаре иностранных слов «буржуазный» всего лишь «касающийся, относящийся до буржуазии», а во втором значении – «обнаруживающий особую любовь к грубым материальным благам в ущерб умственным и духовным наслаждениям; вообще – неутонченный грубоватый» [20, с. 70]. Подобных изысков, отвечающих употреблению этого слова в культурной среде, современный нормативный толковый словарь не знает, приводимая им иллюстрация: «Буржуазное общество живет и держится исключительно на наемном труде миллионов» (В. И. Ленин). В словаре иностранных слов 1964 года толкуются лишь слова «буржуа» и «буржуазия».

В толковании первого присутствует то, что мы называем «дидактической нагруженностью словаря» [26] и что придает словарю архаичный, либо инфантильный характер: «принадлежащий к классу буржуазии, собственник-эксплуататор – классовый враг трудящихся» [19, с. 119]. То же в трактовке слова «буржуазный», превращенной из словарной дефиниции в агитационную миниатюру. В другом дореволюционном словаре иностранных слов «буржуа» – «один из членов среднего сословия во Франции» [14, с. 92].

Положение о том, что советский язык наследовал все богатство русского языка, противоречит проводимой в течение всех лет советской власти языковой политике. Когда читаешь толковые словари советских времен, а мы и сейчас пользуемся теми же толкованиями, задаешься вопросом: говорили ли первые их авторы, получившие дореволюционное образование и принадлежавшие к старой русской интеллигенции, на советском языке? Чем в принципе отличается автор толкового словаря от автора научной статьи, которому было предписано вставлять в свой текст определенные цитаты из «основоположников»? В нормативном же словаре предписание выражалось крайне тенденциозным подбором иллюстраций и, увы, произвольным сужением или расширением значения слова, не говоря уже о формировании словника. Так или иначе, но было принято решение приостановить работу над толковым словарем, начатую А. А. Шахматовым, и создан совершенно новый словарь. В этом словаре система гиперонимов в словарных определениях работала на изоляцию советского языка как по отношению к старому русскому языку, так и по отношению к мировой практике.

Язык старой интеллигенции не был советским. Это видно по ее реакции на советский язык даже в подцензурной научной печати двадцатых годов. Очень осторожно, но определенно высказался о советском языке А. Г. Горнфельд – яркий представитель школы Потебни [5]. Из крупных лингвистов мысль о преимущественности советского языка высказывал А. М. Селищев [17], на которого впоследствии и ссылались. Однако сам А. М. Селищев подвергался травле, что было позднее «забыто». Вот лишь один вполне аутентичный пассаж: «Меня интересует вопрос, зачем Селищев занялся именно этими диалектами? Для чего Селищев пошел на «разведку» в Сибирь? Чьим разведчиком он был? Анализ его работы делает ясным, что он был разведчиком царизма» (пассаж, соблюдающий и дух, и букву советского канона, принадлежит Н. М. Бочачеру [Цит. по: 12]). При чтении же самого Селищева обнаруживается, что он обратил внимание на идеоматизацию советского языка, что убедительно проанализировано К. Богдановым [1]. А ведь именно идеоматизация, создание устойчивых контекстов употребления слов, которые в нормальном языке функционируют свободно, и создает тело «новояза». Это, в частности, делает советский язык непонятным для современных носителей русского языка. Например, когда мы предложили студентам угадать, какое значение вкладывалось в советское время в понятие «самокритика», они не смогли дать правильный ответ. Но статья в энциклопедическом словаре 1954 года снимает всякие сомнения. В ней толкуется не отдельное слово, а целая идиома «критика и самокритика» [28, т. 2, с. 187], сразу переносящая нас в советские времена и демонстрирующая невыводимость значения сочетания слов «критика и самокритика» из значений входящих в него слов.

Но кодифицирован был именно советский язык с его неявными идиомами, с его насильственно простроенными гиперо-гипонимическими отношениями (то есть впаиванными в него классификаторами). И вычесть этот язык из нормативного толкового или энциклопедического словаря значительно труднее, чем вычесть какую-то дежурную цитату из научной статьи. Так, даже в годы перестройки слова «либеральный» и «либерал» получали такую трактовку, с которой вряд ли согласится человек, знакомый с реальным словоупотреблением в среде культурных носителей русского языка [21, т. 2 с. 181]. Либерал – это либо вольнодумец (значение дается как устаревшее), либо тот, кто занимается вредным попустительством. Либерализм же «буржуазное общественно-политическое течение, отстаивающее свободу буржуазии в феодально-крепостническую эпоху и ставшее реакционным с установлением ее политического господства». В ином значении это все та же излишняя снисходительность и вредное попустительство.

Такая новая для дореволюционного русского языка реальность как фашизм, в советских словарях толкуется таким образом, что газетные инвективы о фашизме стран антигитлеровской коалиции не выглядят противоречиво: «политическое течение, возникшее в капиталистических странах в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных кругов империалистической буржуазии, а также открыто террористическая диктатура наиболее реакционных сил монополистического капитала, для которых характерны воинствующий антикоммунизм, шовинизм, расизм, подавление всех демократических свобод, подготовка и развязывание захватнических войн» [Там же, т. 4, с. 556]. Однако не только в культурной среде, но и среди рядовых носителей русского языка слово имеет совершенно другое значение. С тех пор, как немецкий национал-социализм с подачи официальной же пропаганды стал отождествляться с итальянским фашизмом, под фашизмом стали понимать идеологию национального превосходства в ее крайней форме, предполагающей уничтожение и порабощение целых народов. И тем не менее, в 1988 году нормативный словарь дает такое заведомо ложное определение, восходящее к более старым советским трактовкам, цель которых была не прояснить ситуации, а размыть границу между пропагандистской метафорой и жизнью: «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее империалистических элементов финансового капитала; слово «фашизм» употребляется также для наименования наиболее реакционного течения в капиталистических странах, возникшего в период общего кризиса капитализма и выражающего интересы самых реакционных кругов империалистической буржуазии» [28, т. 3, с. 498]. Это энциклопедическое определение из издания 1954 года явно послужило первоисточником для словарного определения 1988 года, но при этом ближе стояло к реальности: в нем хоть и косвенно признавался метафорический характер наименования фашизм по отношению к западным демократиям. К тому же немецкий национал-социализм узнавался в первой части определения, в новом же словаре, напротив, о нем говорится лишь после «а также».

Советский язык недаром называют «деревянным», и разговаривать на нем не так удобно, как может показаться, и уж конечно, он не создан для того, чтобы на нем разговаривать обо всем. Последнее противоречило бы самой идее идеологического языка, «новояза». Однако, если поставить вопрос, можно ли на советском языке критиковать советскую власть, на него, вопреки знаменитой антиутопии, следует ответить положительно, но критика эта будет поневоле поверхностной. Вспомним, каким откровением было возвращение дореволюционного слова «гласность», за ним открывалась абсолютно неизвестная социальная практика. Ведь «гласность» это не «сигнал» (советское слово), передающийся «наверх». В цитированном выше энциклопедическом словаре слово «гласность» не толкуется, в словник входит лишь «гласность судопроизводства» как конституционный признак именно советского судопроизводства. В цитируемом же толковом словаре есть слово «гласный» в значении «доступный для общественного ознакомления и обсуждения», например, «гласный суд». А вот слово «сигнал» вопреки узусу толкуется расширительно [21, т. 4, с. 89].

А могло ли выражение «культ личности Сталина» (выверенная бюрократическая формула, которой посвящено целое исследование [23, с. 17-59]) передать то, что происходило на самом деле?

Старая интеллигенция, безусловно, располагала более широкой языковой палитрой, чем официальный кодифицированный язык. Критика «канцелярита» Корнеем Чуковским и последующее неприятие «газетных штампов» новой уже интеллигенцией – реакция на «деревянный», бесчеловечный язык, а вовсе не на курьезное смешение стилей полуобразованным человеком или на утрату выражения экспрессии вследствие его частого повторения. Неверно было бы также думать, что советский язык был создан революционным творчеством масс, которые постепенно овладели богатствами литературного языка, преодолевая первоначальную наивность. Именно так представлено дело в курсах истории русского литературного языка. Но в действительности нормы вводились сверху и с 1929 года вводились достаточно жестко.

Язык старой интеллигенции был богаче советского языка, т.е. должен был бы называться литературным, если смотреть на дело с функциональной точки зрения, но он не был кодифицирован в словарях советского периода, а главным письменным источником для него оставалась русская классика. В этом смысле язык старой интеллигенции не был литературным, кодифицированным языком (старая кодификация, понятно, не покрывала всех реалий). И тут возникает другой вопрос: для кого этот язык был образцовым? Ясно, что не для всех, и в этом смысле он тоже не был литературным языком.

Трактовка литературного языка у Л. П. Крысина, как языка людей, получивших образование, т.е. сертифицированных государством [7], является единственной возможностью спасти понятие «литературный язык» для советской эпохи. Если же вернуться к функциональному определению языка, идущему от Пражской школы, проблема предстанет во всей своей остроте. Это проблема состояла в том, что кодифицированным оказывается не тот язык, на котором удобно говорить, а тот, на котором удобно думать, как положено. Правда, и при первой трактовке остается вопрос: является ли язык образованных людей тем языком, на котором им преподавались общественные дисциплины и писались учебники? И это уже вопрос о советской интеллигенции и мере ее гомогенности.

Уйти от официального языка легко, и не было советского человека, который бы от него не уходил. Но сейчас, когда мы говорим о литературном языке, мы не должны учитывать уход вниз, в примитив, в грубость, даже в небрежность. Легко ли и с такой оговоркой уйти от официального языка? Какие тексты подерживают этот уход, служат ориентиром?

Советская литература по замыслу была гомогенной, по исполнению же гетерогенной там, где за ней, что называется, недоглядели. Примеров тому масса. Но были и целые полюса подспудного языкового сопротивления (ср. «язык сопротивления» как некое цельное явление с устойчивым узусом). Например, свой литературный язык пыталась построить советская научно-техническая интеллигенция, «шестидесятники». Речь идет не столько о диссидентстве, сколько о широкой фронде. Фронта эта, несомненно, имела свой языковой идеал, нигде и никем не зафиксированный. Отчасти здесь сыграла роль так называемая научная фантастика с теми топосами и концептами, которые поставляли братья Стругацкие, отчасти также авторская песня и шуточные переработки детских сказок, отчасти же язык переводной литературы (от Хемингуэя и Ремарка до «восточных» увлечений). Все эти культурные тренды, отражающие реальную историю русского языка, совершенно не изучены. Вторым полюсом языкового сопротивления были «деревенщики», чья идеология и чей языковой идеал выглядят еще более выпукло. Этот вариант литературного языка доступнее для обозрения. Однако здесь и больше вопросов в силу ориентации на крестьянский язык и его «расширение», а также в силу неясности реальной, не виртуальной (идеальное крестьянство, «народ») социальной базы этого языка, который сложно жестко связать и с научно-технической, и с гуманитарной интеллигенцией. Было бы соблазнительным, но не адекватным реальности описывать эти полюса в оппозиции «славянофилы – западники». Столь же соблазнительно выглядит противопоставление культуры Один и культуры Два после публикации В. Паперного [13], подхваченное лингвистами и культурологами, но это противопоставление касалось лишь официальной культуры, о чем уже приходилось писать [24].

Возможно, что единого литературного, но несоветского языка просто не было. Были отдельные культурно-языковые ниши, куда можно было уйти от официоза, не впадая в заведомую глумлицию, намеренное снижение стиля (случай, когда Бродский в разговоре с Евтушенко специально держался исключительно матерной лексики). Сегодня эти вопросы имеют не только историческое значение. Проблема культуры речи – это, прежде всего, проблема речевого идеала, что признается всеми, в конечном счете это проблема культурного идеала, выработать который не могут авторы соответствующих учебников, вследствие чего сама

концепция культуры речи, оторванная от социальной реальности прошлого и настоящего и представляющая собой гибрид неуверенного пуризма с экскурсом в риторiku, выглядит, с нашей точки зрения, наивно.

Советский культурно-языковой эксперимент был слишком масштабным и длительным, чтобы не иметь серьезных последствий. Разобраться в этих последствиях можно, только основательно изучив этот эксперимент. Но и помимо этой задачи, изучение его имеет огромное значение, ибо эксперимент на то и эксперимент, что позволяет выявить те пружины лингвокультуры, в том числе воздействующей речи, которые в норме остаются незамеченными. В частности это касается реальных, а не утопических потенций манипулятивной риторики, которая оказывается неспособной к длительному и интенсивному существованию, чему была специально посвящена монография одного из авторов этой статьи [24].

Как и в отношении речи, так и в отношении языка советская пропаганда сама загнала себя в ловушку. Она, сколько могла, препятствовала созданию того естественного, но литературного, обработанного языка, на котором можно было говорить без ее незримого присутствия. Это стимулировало создание теневых языков, способствовало расширению пространства жаргонов, разрушению высокого стиля, появлению и непропорциональному развитию так называемого «стеба», захлестнувшего СМИ в постсоветский период. Все это вело к снижению планки тех «кухонных» дискуссий, в которых рождалась постсоветская концептуализация. Сама же пропаганда обесмыслила себя собственной активностью. Она вызвала повышенное внимание к навязшим у всех на зубах словесным формулам, а это, конечно, исключало их бессознательное усвоение, на которое пропаганда рассчитывала. Так совершилось саморазрушение тоталитарной риторики, оставившей после себя трудное языковое и речевое наследие.

Список литературы

1. **Богданов К.** Риторика ритуала. Советский социалект в этнолингвистическом освещении // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 302-303.
2. **Будаев Э. В., Чудинов А. П.** Лингвистическая советология. Екатеринбург: Урал. гос. пед. инст., 2009. 274 с.
3. **Вежбицка А.** Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 37-53.
4. **Винокур Г. О.** Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
5. **Горнфельд А. Г.** Новые слова и старые словечки. Петроград: Колос, 1922. 64 с.
6. **Ковалевская Е. Г.** История русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978. 384 с.
7. **Крысин Л. П.** Литературный язык // Крысин Л. П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. С. 176-184.
8. **Лассан Э.** Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1995. 232 с.
9. **Матезиус В.** О необходимости стабильности литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 378-394.
10. **Мещерский Н. А.** История русского литературного языка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. 279 с.
11. **Найшуль В. А.** Откуда суть пошла реформы [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2004/04/21/vaucher/> (дата обращения 15.03.2013).
12. **Никитин О. В.** Жизнь и судьба Афанасия Матвеевича Селищева [Электронный ресурс] // Слово. Филология. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42394.php> (дата обращения 15.03.2013).
13. **Паперный В.** Культура «Два». М.: Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.
14. **Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с осознанием их корней.** Изд. 9-е и доп. В. Кошкарёвым. М.: Типография Е. Гербек, 1899. 476 с.
15. **Романенко А. П.** Канцелярит: риторический аспект (о книге К. И. Чуковского «Живой как жизнь») // Риторика. 1997. № 1 (4). С. 95-102.
16. **Романенко А. П.** Советская герменевтика. Саратов: Издательский Центр «Наука», 2008. 166 с.
17. **Селищев А. М.** Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.
18. **Сквородников А. П.** Лингвоцинизмы // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 302-303.
19. **Словарь иностранных слов.** Изд. 6-е, перераб. и доп. / под ред. И. В. Лехина и др. М.: Советская энциклопедия, 1964. 784 с.
20. **Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке.** М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1913. 458 с.
21. **Словарь русского языка в четырех томах** / главный редактор А. П. Евгеньев. М.: Русский язык, 1985-1987. 2979 с.
22. **Стилистический энциклопедический словарь** / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2006. 694 с.
23. **Фельдман Д. М.** Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006. 486 с.
24. **Хазагеров Г. Г.** Риторика тоталитаризма: становление, расцвет, коллапс (советский опыт). Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012. 276 с.
25. **Хазагеров Г. Г., Хазагерова С. В.** Культура-1, культура-2 и гуманитарная культура // Знания. 2005. № 3. С. 179-185.
26. **Хазагеров Г. Г., Щемелева Е. Ю.** Дидактическая нагруженность словаря: к постановке проблемы // Язык как система и деятельность – 3. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012. С. 116-118.
27. **Щемелева Т. В.** Канцелярит и другие речевые недуги // Речевое общение: социализированный вестник. Красноярск: КГУ, 2000. Вып. 3. С. 95-99.
28. **Энциклопедический словарь:** в 3-х т. / главный редактор Б. А. Введенский. М.: Большая советская энциклопедия, 1953-1955. 2200 с.

PARADOXES OF TOTALITARIAN RHETORIC: LANGUAGE

Khazagerov Georgii Georgievich, Doctor in Philology, Associate Professor
Shchemeleva Elena Yur'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
South Federal University
khazagerov@gmail.com; mansy@rambler.ru

The authors consider the phenomenon of literary language under conditions of totalitarianism, present new approach to the study of totalitarian culture where the emphasis is not on ideology but on the actual functioning of mass propaganda, reveal the influence of such functioning on the fate of the Russian literary language, and come to the conclusion about the counterproductive nature of propaganda because of its unprecedented intensity, the inevitable diffusion of literary language and jargon words inclusion into language as the further consequence of processes taking place in the soviet period.

Key words and phrases: literary language; codification; soviet; rhetoric; propaganda; jargon words inclusion into language.

УДК 372.81

Педагогические науки

Статья посвящена проблеме использования платформы интерактивной коммуникации Voicethread в обучении иностранному языку. Показан образовательный потенциал этой платформы, рассмотрены ее дидактические характеристики (автономность, многофункциональность, интерактивность и мультимедийность), описаны этапы работы, приведены примеры заданий.

Ключевые слова и фразы: обучение иностранному языку; платформа интерактивной коммуникации Voicethread; дидактические характеристики; этапы работы; мультимедийный контент; Интернет.

Халтурина Ольга Владимировна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
chalolga@yandex.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЛАТФОРМЫ ИНТЕРАКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ VOICETHREAD
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ[©]**

В настоящее время в связи с введением новых образовательных стандартов внедрение современных информационных технологий в процесс обучения иностранным языкам является приоритетным направлением модернизации российского образования [2; 3]. Существует большой выбор образовательных платформ, программ и сервисов, которые можно активно использовать в процессе обучения иностранному языку, поэтому актуальным вопросом, несомненно, является проблема выбора и научного обоснования наиболее эффективных средств и технологий, которые не только дополняют традиционные методы преподавания, но и будут способствовать совершенствованию и активизации процесса обучения.

Одним из эффективных средств обучения иностранному языку, на наш взгляд, может стать платформа интерактивной коммуникации *Voicethread*, с помощью которой можно развивать умения говорения, аудирования и письменной речи. *Voicethread* – онлайн-сервис Веб 2.0, предназначенный для синхронного и асинхронного создания мультимедийных контентов. Для работы на этой платформе необходимо сначала зарегистрироваться на сайте <http://voicethread.com>, указав имя, фамилию и адрес электронной почты. После этого можно загрузить любую иллюстрацию, документ или презентацию и оставить комментарий в виде аудио-, видеозаписи либо печатного текста [4].

Данный сервис имеет следующие отличительные особенности, которые необходимо учитывать при организации работы на данной платформе:

- возможность представления информации в разных формах (текст, видео, изображения, презентации PowerPoint с использованием звукового или видеокomentarия);
- доступность для просмотра созданного контента зарегистрированным пользователям сервиса;
- возможность организации сетевого обсуждения созданного мультимедийного контента;
- возможность многократной записи комментария;
- возможность просматривать созданные контенты только в режиме онлайн.

Анализ работ, посвященных использованию сервисов Веб 2.0 (С. В. Титова, А. В. Филатова, П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев) в образовательном процессе, а также собственный опыт работы с интерактивной средой *Voicethread* позволяет сделать вывод о том, что данная платформа интерактивной коммуникации может выступать эффективным средством обучения иностранному языку, так как обладает следующими дидактическими характеристиками:

- автономность – позволяет обучающимся организовывать свой учебный процесс в соответствии со своими личностными способностями, уровнем обученности;